

Встреча с интересным
человеком

Герой Социалистического
Труда
народный артист СССР
И. В. ИЛЬИНСКИЙ

Кажется, нет среди нас человека, который не знал бы творчества Игоря Владимировича Ильинского — артиста театра, кино и концертной эстрады, режиссера и литератора, чьи выдающиеся заслуги в развитии советского искусства отмечены высшими почетными званиями в нашей стране.

Необычайная популярность Игоря Ильинского, раз возникшая в середине двадцатых годов, а в дальнейшем все более ширившаяся, не ослабевает и поныне. Сколько людей за минувшие полвека восхищались его неувыдаемым искусством! Сколько незабываемых минут радости, волнующих переживаний подарил он зрителям своим искрящимся талантом.

Недавно созданные И. В. Ильинским художественные программы для Центрального телевидения выдвинуты на соискание Ленинской премии.

ВСЮ ЖИЗНЬ — ИСКУССТВУ

Лестница ведет на третий этаж старого дома в Колобовском переулке, построенного еще в 1929 году. С тех пор целых полвека и живет здесь в небольшой квартире Игорь Владимирович, отнюдь не стремясь, к слову сказать, к улучшению своих весьма скромных жилищных условий. Ему и в самом деле, видимо, привычно и удобно в его обжитом маленьком рабочем кабинете, уставленном шкафами с книгами.

В этих стенах в разные годы, когда позади уже были вызвавшие сенсационный успех кинокомедии «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Йоргена» и сыграны были великолепные роли Аркашки («Лес»), Брюно («Великодушный рогатосец») в нашумевших спектаклях театра Мейерхольда, обдумывались Ильинским характеры Бывалова из фильма «Волга — Волга» и Огурцова из «Карнавала в полночь».

Здесь велась кропотливая подготовительная работа над режиссерским решением поставленных Ильинским и украсивших репертуар Малого театра спектаклей «Ревизор» и «Ярмарка тщеславия», «Любовь Яровая» и «Лес».

— Игорь Владимирович, очень долгое время вся ваша жизнь; творчество были неразрывно связаны с театром, кино, художественным чтением на концертных эстрадах. А потом, обремененный всеми этими привычками для вас трудами и заботами, вы еще вплотную приобщились к работе на телевидении. У всех на памяти созданные вами за последнее десятилетие в качестве режиссера и артиста-исполнителя такие телевизионные спектакли, фильмы и передачи, как чеховская «Душечка», «Свадьба Кречинского», «Ильинский о Зошенко», «Ильинский о Маршале», «Наедине со словом», наконец, «Эти разные, разные, разные лица», где вы один сыграли 25 ролей, создав целую галерею чеховских персонажей. Можно себе представить, сколько все это отняло сил, времени, души. Что же привлекло вас так сильно на голубом экране? Какие его возможности представляются вам особенно заманчивыми?

— Если по-честному, я, как и многие из моих коллег — работников искусства, поначалу воспринимал телевидение не очень серьезно. Ну, еще одна очередная техническая новинка нашей эпохи, какой, скажем, была в начале века звукозапись на пластинки или заявившее о себе не очень уверенно в начале тридцатых годов звуковое кино. В общем, телевидение казалось, конечно, явлением любопытным, но, как мне представлялось, к большому искусству касательство не имеющим. Всякое техническое новшество с непривычки вызывает скептическое отношение. Да и сама техника поначалу бывает несовершенна. Попробуйте сейчас послушать записанный когда-то на граммофонную пластинку голос Марии Николаевны Ермоловой. Великой Ермоловой! У меня лично, не скрою, создается впечатление, что это читает малоопытная второкурница театрального вуза. А поставьте на современный стереофонический проигрыватель новейший диск какого-либо из известных певцов. И в концерт ходить не нужно, такое великолепное звучание голоса.

Аналогичный процесс произошел на наших глазах за последние двадцать лет с телевидением. Начиналось с робких, неумелых попыток в лучшем случае прямой трансляции из театра какого-нибудь спектакля, а сегодня мы у своих многоцветных экранов видим подчас поистине поразительные зрелища. Нынешнее телевидение стремится к своему, присущему именно его эстетике, прочтению спектаклей, ставит свои фильмы, концертные программы, создает тематические циклы передач.

Если говорить о себе, опыт работы на телевидении оказался

для меня очень полезным. Здесь я почувствовал необъятный простор телевизионного искусства, когда ты остаешься со зрителем как бы один на один, а их, зрителей, не пятьсот — тысяча, как в театре или кинозале, а сразу миллионов 20—30 или больше. От одной этой мысли дух захватывает. А главное, телезрители видят тебя, артиста, словно через линзу. И здесь нельзя ничем погрешить, сразу всем видны попытки твоего умничанья, менторского, поучительного тона, желания покрасоваться.

Телевидение по самой своей природе не терпит фальши. Еще больше, чем кино, оно обязывает к искренности, более тонким нюансам, так как с малого экрана артисту приходится вести доверительный, по душам разговор со зрителем с глазу на глаз. Это трудно, но очень интересно.

— А народного артиста СССР Ильинского не смущает, что зрители могут смотреть его игру, сидя на диване, в тапочках, попивая чаек? Ведь вы за свою долгую театральную жизнь привыкли к благоговейной тишине настороженного зрительного зала...

— Тут, несомненно, имеются и свои минусы. Но мне представляется, что сама атмосфера домашнего, так сказать, приобщения к искусству, которая должна соответственно подготовиться именно зрителями, во многом определяется качеством самих передач. Я, например, знаю, что во многих семьях люди специально собираются слушать Ираклия Андроникова и в это время не отвлекаются на телефонные разговоры, не звякают чайными ложечками, захваченные упоительным общением с талантливым и умным рассказчиком. Качество искусства — большая и важная для телевидения проблема. За последние годы им немало делается в этом плане для воспитания высоких художественных, гражданских, эстетических вкусов зрителей, хотя все еще далеко не достаточно. Огорчают, увы, и слабые, и неинтересные, а иной раз и просто маловразумительные передачи.

— Ваше отношение к модным теперь многосерийным фильмам и спектаклям, которые принято называть сериалами?

— Очень хорошее, если это такие работы, как «Агентство его превосходительства» или «Семнадцать мгновений весны»...

— Игорь Владимирович, а как вы, коренной ветеран сцены, относитесь к возникающим время от времени опасениям — не погибнет ли театр в конкуренции с телевидением?

— Знаю, знаю, лет тридцать назад, помнится, такую же угрозу театру предвещали со стороны кино. Я старый театрал, с 1915 года. Был знаком с Маяковским и играл в его пьесах. Работал у Мейерхольда. Вот уже более сорока лет играю на сцене Малого театра. Много прошло на моих глазах. Были у театра периоды подъемов и спадов. Но театр остается театром. И интерес к нему, как мне представляется, будет у людей всегда. Сейчас наблюдается даже обратное явление. После показа какого-либо интересного, значительного спектакля по телевидению зрители стремятся увидеть эту же постановку и на сцене. Ничто не может заменить человеку сценического волшебства, чисто театральных средств художественной выразительности. Попробуйте раздобыть «билетик» на старый или новый спектакль вахтанговцев, мхатовцев, не говоря уже о Большом театре.

— Так ли уж все благополучно обстоит сегодня на театральной сцене?

— Я этого не говорю. Есть и промахи, и просчеты. Самое страшное, на мой взгляд, для любого художника — отстать от жизни, остановиться на достигнутом, почить на лаврах. А такое у нас порой случается. И этому немало способствуют

иные маловзыскательные критики. Я слышал, что на одном из обсуждений работ Ленинградского Большого драматического театра его художественный руководитель режиссер Товстоногов посетовал, что уже задыхается от восторженного фимиама рецензентов и поклонников этого коллектива, и считает, что пора начать деловой разговор об успехах и недостатках спектаклей этого театра.

Сегодня никого не удивит совершенной актерской техникой, отточенным профессиональным мастерством. Но необходимо раскрывать в спектаклях человеческую душу, принести зрителям важную для них мысль. Поэтому актер должен хорошо знать, чем живут люди, пришедшие в театр, он должен уметь откликнуться на их чувства, заботы, утверждая при этом и свою собственную творческую и гражданскую позицию. Вот как раз в этом смысле меня и тревожат сценические опыты некоторых молодых режиссеров, у которых так и проглядывает упорное стремление к оригинальности ради оригинальности. Стремясь придать своим постановкам некий необычайный, якобы новаторский характер, они, по существу, выносят на сцену несколько подновленные, но, увы, в худшем виде азы, пройденные когда-то Мейерхольдом, Таировым, Охлопковым. Я как актер не хотел бы работать у такого режиссера, даже если он порой имеет успех у зрителей.

— Мне вспоминаются созданные вами в кино образы Бывалова и Огурцова, имена которых стали в те времена поистине нарицательными. Не кажется ли вам, что и ныне ощущается необходимость в остром кинематографическом обличении бюрократов, чинуш, карьеристов, так сказать, современной формации?

— В этом есть свой резон. В самом деле, если Бывалов — бюрократ тридцатых годов — откровенный дурак, то сменивший его через двадцать лет Огурцов несколько «пообтесался», приспособился, и играть этого «сурьезного» человека было посложнее. Но и тот, и другой образы сегодня, конечно, устарели. Современный бюрократ более образован, более тонок, порой очень ловко маскируется под делового, занятого и даже чуткого человека, и всем тем... еще более вреден, чем Бывалов и Огурцов.

— Кого из популярных ныне артистов вы хотели бы увидеть в роли такого преемника сыгранных вами сатирических персонажей?

— Талантливых людей у нас много. Это и Олег Табаков, и Евгений Леонов, и Юрий Никулин, а может быть, лучше всех оказался бы в такой роли Евгений Евстигнеев...

— И в заключение — о проблемах актерского амплуа. Вы, Игорь Владимирович, были в свое время самым смешным артистом советского кино. Теперь люди не могут сдержать слез, когда видят вас в глубоко драматической, можно сказать, трагедийной роли Льва Толстого. В чем смысл, значение для артиста подобной эволюции?

— И смехом, и слезами можно помогать торжеству добра и правды. Станиславский называл меня когда-то актером — шалуном. Но если бы я оставался таковым до седых волос, то перестал бы быть художником, который растет со своим возрастом. Ушли озорство и необычайная легкость, с которой я в былые времена бросался в воду с парапета Невы, бегал по крышам вагонов мчащегося поезда. С годами приходит понимание, что истинные ценности искусства — глубже, серьезнее. Со временем убеждаешься, что высокое искусство — это не сенсация, не сногшибательные трюки. Правда жизни, большая общественная польза — вот в чем его сокровенный смысл.

Беседу вел А. АМАСОВИЧ.